

Старнет бурлил.

В комментариях под официальным подтверждением вины Ли Ваньсина волна яда и презрения поднялась с новой силой. Те, кто и раньше поливал его грязью, теперь чувствовали себя триумфаторами.

— Ха! Ну и что я говорил?! — злорадствовал кто-то. — Ваньсин — паршивый предатель, и это факт!

Другие мгновенно "переобулись":

— И подумать только, я еще пытался его защищать... Ли Ваньсин, ты — позор Империи!

Третьи изливали неприкрытую ненависть:

— Так вот из-за кого мы терпели поражение за поражением! Сдох слишком рано, подонок. Тебя следовало бы пытать вечно!

— Теперь понятно, как этот Омега так быстро взлетел по службе, — подливали масла в огонь охотники за сплетнями. — Обычная подстилка, которую пристроили куда надо!

— Тебе повезло, что ты уже в могиле, Ваньсин! Иначе родственники тех ста тысяч солдат, которых ты угробил, заставили бы тебя молить о смерти!

Пока сеть захлебывалась в проклятиях, на кладбище установили надгробие. Видимо, чтобы довести спектакль до конца, его не стали хоронить рядом с героями, павшими за родину. Ли Ваньсина "упокоили" в секторе для особо опасных преступников. Могила у самой дороги, в облаках выхлопных газов. Люди специально перелезали через невысокую ограду, чтобы плюнуть на плиту или пнуть её.

И хотя праха под камнем не было — могила пустовала, — ненависть толпы была самой что ни на есть настоящей. В первый же день тысячи людей пришли к его последнему пристанищу... чтобы проклясть. Героям несут цветы и скорбь, а "иуду" мечтают убить еще раз двадцать.

Ваньсин безмолвной тенью парил рядом со своей могилой, слушая потоки площадной брани.

Чистенько одетый студент с искаженным от ярости лицом выплюнул:

— И зачем только ты в шпионы подался, сволочь? Тьфу на тебя! А я ведь на тебя равнялся, мечтал в Первую военную академию поступить... Собаке — собачья смерть!

Он с силой топнул по могильному холмику и ушел.

Молодая мать подтолкнула к плите маленького ребенка. Малыш плакал:

— Мамочка, это из-за него папа больше не придет?

Ребенок бросил в надгробие тухлое яйцо и пропищал:

— Плохой дядя! Я тебя ненавижу!

Пришла и сгорбленная старуха с тростью. Седые волосы выбились из-под платка, лицо осунулось от горя.

— Внучек мой... такой молоденький был, — всхлипнула она, а затем, не выдержав, в сердцах сплюнула на могилу.

Стоящие рядом люди запричитали:

— Бабушка, поберегите себя, не стоит этот мусор вашего здоровья!

Ваньсин смотрел на всё это безучастно. Гнев, обвинения — он принимал всё. Он считал себя вправе быть проклятым за те жертвы, что легли на его плечи. И пусть это был приказ сверху, пусть любой другой офицер допустил бы куда больше потерь... Случившееся не изменить. Он принял эту ношу.

Так продолжалось, пока у могилы не появился крепкий еще старик. Он тяжело вздохнул:

— Сяо Ли...

Ваньсин мгновенно очутился перед ним.

— Учитель! — вскрикнул он, но голос его остался лишь дрожью воздуха.

Он не видел наставника целую вечность. Родители Ваньсина погибли рано, средняя школа далась ему тяжело, и если бы не доброта этого человека, он бы не раз остался голодным.

Старик долго смотрел на камень, а затем произнес с глубокой горечью:

— Эх, Ли... Видно, я в тебе ошибся.

Учитель развернулся и, опираясь на трость, ушел прочь, ни разу не оглянувшись.

— Учитель... — Ваньсин смотрел вслед уходящему наставнику, чувствуя, как в призрачных глазах закипают слезы. Он хотел догнать, схватить за руку, объяснить... но был лишь бессильной тенью.

О плане "умиротворения народа через смерть адмирала" знали лишь трое: Император, старый маршал Лэй и случайно прознавший Линь Юнь. Истина была замурована под грифом секретности.

Ваньсин горько усмехнулся, закрывая лицо ладонями.

— Похоже, я перевыполнил план по служению отечеству. Даже мои останки — и те работают на благо Империи... Но почему же тогда... сердце так болит?

Он застыл, прижав руку к груди, погруженный в свои мысли. Вдруг послышался знакомый шепот:

— Сяо Син...

Ваньсин поднял голову.

— Линь Юнь, — пробормотал он.

Генерал-майор молчал. Он просто снял фуражку и склонил голову, отдавая последнюю честь. Не нужно было слов. Каково ему было видеть, как честное имя друга смешивают с грязью? Но ради высших интересов Империи приходится жертвовать личностями.

Линь Юнь сжал кулаки и ушел. Ваньсин проводил его долгим взглядом. Судьба — штука несправедливая.

Смеркалось. Поток людей иссяк. Большинству просто нужен был повод сорвать злость, и лишь немногих беда коснулась лично.

Небо стало чернильно-черным, но ночь была удивительно ясной — над кладбищем раскинулся сияющий звездный атлас. В компании звезд даже на погосте было не так жутко. Ваньсин весь день провел у могилы, не чувствуя усталости. Но его призрачное тело становилось всё прозрачнее.

— Говорят, на Древней Голубой планете верили, что души тают тем быстрее, чем дольше задерживаются среди живых, — прошептал он, глядя сквозь свои руки. — Пора бы и мне найти дорогу в мир иной... Только вот где искать этот призрачный приют?

Внезапно у ограды затормозила машина.

— В такой-то час? — удивился Ваньсин.

Из машины вышел мужчина. В руках он сжимал букет алых роз. Когда он подошел ближе, Ваньсин разглядел его лицо: волевое, с резкими, красивыми чертами и пронзительным взглядом. Адмирал был уверен — он никогда раньше не встречал этого человека.

Поведение незнакомца было еще более странным. Он не стал плевать на могилу. Вместо этого он с глухим стуком рухнул на колени прямо в дорожную пыль.

— Это еще что за новости? — поразился Ваньсин.

Он подлетел к мужчине, пытаясь помочь ему подняться, но пальцы привычно прошли сквозь чужое запястье. Призрак вздохнул и уже хотел отстраниться, как вдруг услышал шепот. Ваньсин придвинулся ближе, ожидая проклятий, но вместо них услышал:

— Ваньсин... я люблю тебя.

Адмирал замер, словно пораженный разрядом тока.

— Ч-что?! — он даже начал заикаться от изумления. — Что за чушь ты несешь?

За все двадцать с лишним лет жизни ему никто не говорил этих слов. Тем более — совершенно незнакомый человек.

— Ты вообще кто такой? — потребовал ответа Ваньсин.

Мужчина, конечно, не ответил. Он вдруг зарыдал — искренне, по-детски, навзрыд. Слезы катились по лицу, разбиваясь о землю.

— Ну чего ты плачешь? — растерялся Ваньсин. — Не стоит горевать о моей смерти. Я хотя бы пал на поле боя... в некотором роде. Для солдата это лучший конец.

Он попытался стереть слезы с лица мужчины, но рука вновь прошла сквозь кожу.

— Эх... — только и выдохнул призрак.

— Ваньсин... если бы ты знал, как сильно я тебя люблю... — продолжал незнакомец. — Я думал, мне хватит и того, что я просто могу видеть тебя издалека. Если бы я только знал... я бы признался. Сразу бы признался!

Ваньсин слушал, затаив дыхание.

— Значит, ты знал меня давно. И любил втайне... Но почему я тебя не помню?

Мужчина был во власти своей скорби.

— С первой нашей встречи... я потерял голову. Почему я не набрался смелости и не попросил твой номер? Как же я ревновал, когда видел тебя с другими Альфами... Я мечтал быть на их месте. Если бы я выбрал твой легион, был бы у нас шанс?

Его голос дрожал от раскаяния:

— Если бы я не был так далеко в тот день... в Битве Рассвета должен был участвовать я! Это мне следовало погибнуть, мне!

— Ваньсин... Ваньсин... — он повторял имя, как заклинание, будто это могло вернуть мертвого к жизни. Но все понимали — чуда не будет.

Ли Ваньсин уселся на землю рядом с ним, скрестив ноги, и слушал это сбивчивое признание почти три часа. В голове начал складываться пазл.

— В школе учились вместе? Значит, знакомы со времен академии...

— Из другого легиона? Коллега...

— Должен был участвовать в Битве Рассвета вместо меня?

Ваньсин встрепенулся. Если бы не близость его Второго легиона к зоне конфликта, такие лобовые столкновения всегда поручали Третьему.

— Третий легион? — Ваньсин невольно улыбнулся. — "Армия тигров и волков" Му Юаня... Элита из элит. Если бы я не выбрал факультет тактического командования, сам бы к ним пошел.

Слушая об этой долгой, тайной и мучительной любви, Ваньсин почувствовал странную теплоту.

— Надо же... ты так долго любил меня, пока я тебя даже не замечал?

Он посмотрел на заплаканное, перепачканное лицо мужчины и вдруг нашел его... милым.

— Знаешь, — усмехнулся Ваньсин, — будь у нас шанс, мы могли бы попробовать.

Его голос стал тише:

— Жаль, что я так и не узнал, что такое любовь, прежде чем развеяться в пустоте... Обидно.

Полночь в секторе для смертников. Человек изливал душу, проклиная свою трусость. Призрак вспоминал прошлое, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы.

Горизонт начал светлеть. Ваньсин видел, что его тело стало почти прозрачным. Конец был близок. Он улыбнулся — легко и свободно.

— Я исполнил свой долг. Стал солдатом Империи до самого конца.

Он помолчал и добавил:

— Но если есть жизнь после этой... я больше не пойду на войну. Стану врачом. Буду спасать жизни, а не забирать их. Позиция командующего — это слишком тяжелая ноша, она вершит судьбы тысяч людей... Я устал.

Первые лучи солнца коснулись кладбища. Ваньсин начал таять в их тепле.

Он в последний раз взглянул на мужчину, подмигнул ему и прошептал:

— А ты симпатичный. В следующей жизни обязательно попробуем, ладно?

Едва слова сорвались с губ, как солнечный свет окончательно растворил его призрачный силуэт.

Му Юань внезапно вскинулся. Он впился острым, как у ястреба, взглядом в пустоту именно там, где только что стоял Ваньсин. Интуиция кричала, что там было нечто бесконечно важное, но он видел лишь утренний туман.

Маршал вскочил и рванулся вперед, пытаясь схватить... воздух. В груди разлилась такая щемящая тоска, какой он не чувствовал даже в день известия о смерти адмирала.

Словно именно сейчас, в этот миг, они расстались навсегда. На эту жизнь — точно.

<http://bllate.org/book/17475/1692395>